

Едва рассеялся утренний туман, пропуская первые робкие лучи света, к соломенной хижине подошел призрачный посыльный в сопровождении матушки Мэн. Люцзин в это время еще спал. Услышав снаружи шорох, он поднялся — сонный, еще не до конца пришедший в себя, — наскоро накинул просторный халат и вышел на порог.

Выйдя во двор, он увидел Цзюцина и Вэй Чжюэ, которые стояли спиной к дверям, лицом к незванным гостям. Из-за их плеч Люцзин разглядел матушку Мэн, одетую в грубое крестьянское платье. Никто в Подземном царстве не знал, сколько веков этой старухе. Маленькая, сгорбленная, с лицом, испещренным глубокими морщинами, словно давно не видевшая масла иссохшая кожа, она казалась истинным воплощением свирепой якши. Однако те, кто знал ее близко, помнили: за ледяным взглядом и колким языком скрывалось доброе сердце. Не зря обитатели Дифу уважительно звали ее просто «матушка».

Голос Люцзина, только что восставшего ото сна, звучал хрипло и лениво.

При звуках его шагов все четверо обернулись. Вэй Чжюэ, едва взглянув на него, тут же стыдливо отвернулась. Люцзин, все еще пребывая в полусонном забытии, не сразу понял причину ее смущения, пока не перехватил пронизательный взгляд матушки Мэн.

— Ох, господин Судья, — проскрипела старуха своим сухим голосом. — Какое дивное зрелище с утра пораньше. Прямо-таки весеннее тепло разливается.

— Э-э... — Люцзин опустил голову и мысленно выругался. Оказалось, наспех наброшенный халат распахнулся, а завязки нижнего платья ослабли, бесстыдно обнажая плечо и ключицу.

Проводник прыснул в кулак, а Цзюцин наградил друга таким тяжелым взглядом, что Люцзин поспешно запахнул полы и затянул пояс.

— Спросонья не разобрал, — пробормотал он с виноватой улыбкой.

— Оно и видно. Но даже если в гостях у Судьи столь прелестная дева, не стоит так спешить, вы. Или вам не дорога собственная репутация? — в голосе матушки Мэн сквозило откровенное веселье.

— Полно вам шутить, матушка. Я ведь вышел только для того, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение и проводить.

— Что ж, раз так, идем, — матушка Мэн посерьезнела, ее лицо вновь приняло привычное суровое выражение. — И не забудь передать Владыке, что Вэй Чжюэ я забрала.

Люцзин сделал несколько шагов вперед:

— Позвольте мне все же проводить вас.

Старуха лишь отмахнулась, убирая левую руку за спину:

— Не нужно. Я еще не настолько выжила из ума, чтобы позабыть дорогу к собственному дому.

Она взяла Вэй Чжюэ за руку. Девушка бросила быстрый, прощальный взгляд на Цзюцина, и обе скрылись в клубах густого тумана.

Как только силуэты женщин растаяли в дымке, Цзюцин медленно повернулся к Люцзину. Его взгляд не предвещал ничего хорошего, так что у Судьи невольно пересохло в горле.

— Ты чего так на меня смотришь?

Цзюцин оглядел его с ног до головы и выдал:

— Ты что это... решил бесстыдничать перед моей дочерью?

Люцзин мысленно воззвал к небесам. Не прошло и суток, а этот папаша уже включил режим яростного защитника!

— Послушай, это уже чересчур. Твои подозрения оскорбительны.

— Скажи спасибо, что я тебе сразу в физиономию не прописал, — фыркнул Цзюцин. — Не забывай, приятель: ты призрак, который положил глаз на мою девочку.

Люцзин только тяжело вздохнул. И ради кого, спрашивается, он все это затеял? Ох, Цзюцин, Цзюцин, не ценишь ты моей заботы...

Придя в Палату Яньло, Люцзин невольно вспомнил о вчерашней оплошности. Едва переступив порог огромного зала, он издалека увидел Яньгу. Король Яма восседал на своем судейском возвышении, величественный и бесстрастный, сосредоточенно выводя иероглифы на свитках.

Люцзин медленно поднимался по ступеням, ведя себя тише воды, ниже травы. Яньгу даже не поднял головы, продолжая работать. В тишине огромного зала отчетливо ощущалось давящее величие правителя Подземного мира. Если бы они были здесь наедине, Люцзин, пожалуй, так и не решился бы заговорить первым. К счастью, вскоре по залу засновали призрачные слуги, а в отдалении послышался звон цепей — Бычья голова и Лошадиная морда вели очередную партию грешников. Это немного разрядило гнетущую обстановку.

— Доброго утра, владыка, — негромко произнес Люцзин, стараясь звучать непринужденно.

Яньгу отложил очередной свиток, сложив его на стопку справа, и издал короткое, едва слышное:

— Угу.

Этот невнятный звук, тем не менее, подействовал на Люцзина ободряюще. Он осмелел и спросил:

— Как вам спалось прошлой ночью?

Яньгу в этот момент делал пометку на документе, касающемся расширения штата призрачных вестников для помощи бодхисаттве Кшитигарбхе в восстановлении обрушившейся стены Города напрасно умерших.

— Вполне сносно, — отозвался он, не прерывая письма.

Люцзин знал об этой проблеме. Город напрасно умерших, созданный по воле великого бодхисаттвы Дицзана для приюта безвинно погибших душ, граничил с Рекой Забвения и Кровавым прудом. Около века назад часть его стены рухнула, но из-за вечной нехватки рабочих рук ремонт затянулся на десятилетия. Люцзин искренне не понимал, почему Яньгу с его почти безграничным могуществом до сих пор не решил этот вопрос, но сейчас был слишком рад тому, что владыка вообще снизошел до беседы.

— И сны вам не снились?

В зале повисло молчание. Люцзин уже решил, что вопрос останется без ответа, как вдруг Яньгу отложил кисть. Он медленно поднял взгляд, а изящный рисунок бабочки у внешнего уголка глаза словно ожил в полумраке зала.

— У господина Судьи есть ко мне другие дела? — спросил он, глядя прямо на Люцзина. На самом деле, Яньгу уже очень давно не видел снов, но признаваться в этом не собирался.

Люцзин поспешно сменил тему:

— Я хотел спросить... как поживает молодой господин Хухэ?

— Спит крепко, ест за двоих, полон сил и проводит дни в праздном безделье, — скороговоркой выпалил Яньгу, не дав Люцзину закончить, и уставился на него выжидающим взглядом.

Под этим взглядом Люцзин нервно сглотнул и поспешил увести разговор в профессиональное русло:

— Что касается стены Вансычэна... Полагаю, нам вовсе не обязательно задействовать призрачных вестников. Души, томящиеся в Городе напрасно умерших, целыми днями изнывают от тоски, ожидая, пока их несправедливые земные кончины будут расследованы. Почему бы не привлечь их к строительству? Во-первых, это займет их делом, а во-вторых, сэкономит наши ресурсы и время.

«И главное — избавит от утомительной бумажной волокиты с расширением штата», — мысленно добавил Люцзин.

Яньгу на мгновение задумался, глядя на лежащий перед ним свиток. Затем взял кисть и размашисто перечеркнул прежнее распоряжение, вписав поверх новые указания. Люцзин краем глаза подсмотрел за его движениями: владыка действительно слово в слово записал его предложение.

В этот момент Бычья голова и Лошадиная морда ввели в зал души усопших. Стоило им переступить порог, как колокольчики на дверях зазвенели хрустальным перезвоном. Люцзин принял подобающую осанку и устремил строгий взгляд вперед.

Конвоиры опустили грешников на колени и в один голос доложили:

— Владыка, души, собранные минувшей ночью, доставлены.

Яньгу безмолвно вершил суд, а Люцзин раскрыл Книгу Жизни и Смерти, вычеркивая имена тех, чей земной путь был окончен. Одно движение кисти — и чья-то судьба решена. Жизнь и смерть, прилив и отлив, изо дня в день, без конца и края.

За сутки в мире живых угасали сотни, а то и тысячи жизней. Чернила на судейской кисти казались неиссякаемыми, выводя все новые и новые имена. И за каждым штрихом скрывалась целая человеческая история, полная надежд, разочарований и земных страстей.

Подземное царство не вмешивалось в дела живых — для того и существовал Вансычэн. Цзюцин как-то сказал, что в Дифу жить куда лучше, чем в мире смертных. В чем именно заключалось это превосходство, Люцзин пока не понимал, но спорить с другом не решался. Здесь действительно не было человеческого тепла, зато сохранялась искренность чувств. Покойники не лгали и не пытались обмануть друг друга. Как любил говаривать Цзюцин: «Когда ты уже мертв, к чему лукавить? Все земные иллюзии рассыпаются прахом».

За непрерывной работой день пролетел незаметно. Когда за окнами Палаты Яньло стусились сумерки, а призрачный туман окрасился в багровые тона от зажженных фонарей, они наконец закончили дела. Выйдя на террасу бок о бок с Яньгу, Люцзин устремил взгляд вдаль, откуда доносился непривычный гул голосов и веселый смех. В той стороне раскинулся Призрачный рынок Фэнду. За все полгода, проведенные в Подземном мире, Люцзин впервые видел здесь такое оживление.

— Что там происходит? — с любопытством спросил он. — Обычно в этот час улицы уже пустеют.

Яньгу тоже посмотрел в сторону рынка и, немного помолчав, ответил:

— Скоро наступит Праздник середины года. В этот день Врата Духов открываются настезь, выпуская души в мир живых. Те, кто истосковался по прежней жизни, отправляются на землю. Остальные празднуют прямо здесь, в Фэнду. Для нас это самое грандиозное торжество в году, поэтому горожане загодя готовят подношения и украшают улицы. Оттого и шумно.

«Значит, можно будет уйти в мир живых?» — у Люцзина загорелись глаза, а в голосе прозвучало нескрываемое предвкушение.

Яньгу повернулся к нему. Красный свет бумажных фонарей, свисающих с крыши дворца, мягко очерчивал его безупречный профиль, делая алые одежды еще ярче, а взгляд — глубже.

— Хочешь побывать там?

— Не то чтобы очень... — смутился Люцзин. — Скорее, просто любопытно.

Яньгу едва заметно улыбнулся этой детской увертке, хотя и не понял, какая разница между «хотеть» и «любопытствовать».

— Если захочешь — я возьму тебя с собой.

Люцзин изумленно моргнул.

— Правда? Мне дозволено покинуть Дифу?

Яньгу проигнорировал его восторженный взгляд и неспешно стал спускаться по каменной лестнице:

— К слову, как тебе живется у Цзюцина? Удобно ли?

Резкая смена темы сбила Люцзина с толку, но он поспешно пошел следом, стараясь не отставать:

— Сносно. Но я как раз хотел спросить: нет ли в городе свободного жилья? Я бы хотел съехать. Все-таки делить одну постель с Цзюцином — не самое лучшее решение.

Идущий впереди Яньгу в темноте едва заметно улыбнулся, однако его голос остался сухим и

ровным:

— Свободных домов в Фэнду нет. Ни одна хижина не сравнится с Теремом Лунного Сияния. Завтра же перебирайся в Юэхуалоу. Там полно свободных покоев.

— Переехать в Юэхуалоу? — Люцзин опешил. Это означало, что ему придется круглые сутки находиться под присмотром правителя Дифу и этого несносного Хухэ. Да, терем роскошен, еда там отменная, да и хозяйева чертовски красивы... но Люцзина не покидало смутное ощущение подвоха. — Но... не стесню ли я вас с молодым господином Хухэ?

Яньгу остановился и обернулся. Он смотрел с искренним недоумением, и его глаза были светлыми, как лунный камень:

— С чего бы тебе нас стеснять?

— Ну, мало ли... всякие бытовые неудобства, — пробормотал Люцзин, понимая, что сморозил глупость, и поспешно натянул вежливую улыбку.

— Я предлагаю тебе это исключительно ради удобства ведения дел. К тому же негоже государственному служащему зря тратить казенные ресурсы на поиски угла.

«Какая поразительная забота о казне», — мысленно хмыкнул Люцзин, но вслух спорить не посмел. Характер Владыки он уже успел изучить — если тот что-то вбил себе в голову, переубедить его было невозможно.

— Как скажете, владыка.

— Вот и славно. Иди отдыхай. Завтра я велю Хухэ подготовить для тебя лучшие покои.

Люцзин почтительно поклонился и проводил взглядом удаляющуюся алую фигуру правителя.

Вернувшись в соломенную хижину, он застал мирную картину: Вэй Чжиюэ уже спала, а Цзюцин лениво развалился на кровати, закинув ногу за ногу.

Когда Люцзин сообщил, что переезжает в Терем Лунного Сияния, он ожидал от друга если не слез сожаления, то хотя бы дружеской грусти. Вместо этого Цзюцин с радостным воплем подпрыгнул на постели и принялся кружить по комнате, даже не удосужившись обуться. Он подлетел к Люцзину и засыпал его вопросами: когда именно тот уходит, не нужно ли помочь собрать вещи и не проводить ли его прямо сейчас до самых ворот Юэхуалоу.

Глядя на этот безумный энтузиазм, Люцзин почувствовал себя оскорбленным до глубины души. Цзюцин буквально выставлял его за дверь! Заметив оскорбленную мину друга, тот

поспешно соорудил виноватое лицо и принялся оправдываться: дескать, раз уж Люцзин предложил Яньгу идею о женитьбе на Вэй Чжиюэ, а они с ним близки как братья, он просто не знал, как теперь себя вести, и потому так отреагировал.

Люцзин лишь закатил глаза. Он так и не понял, чего в Цзюцине сейчас больше — отцовской глупости или искренней заботы о чести дочери. Решив не тратить силы на пустые споры, он молча завалился на кровать и закрыл глаза. Завтра его ждал долгий день и новая жизнь в чертогах Короля Ямы.

<http://bllate.org/book/18339/1793266>